ПИОНЕР

№ 21
1932
Издание „Комсомольской правды“

П.349.
П 29
34

На уроке географии

Фото Б. Иваницкого

ПИОНЕР

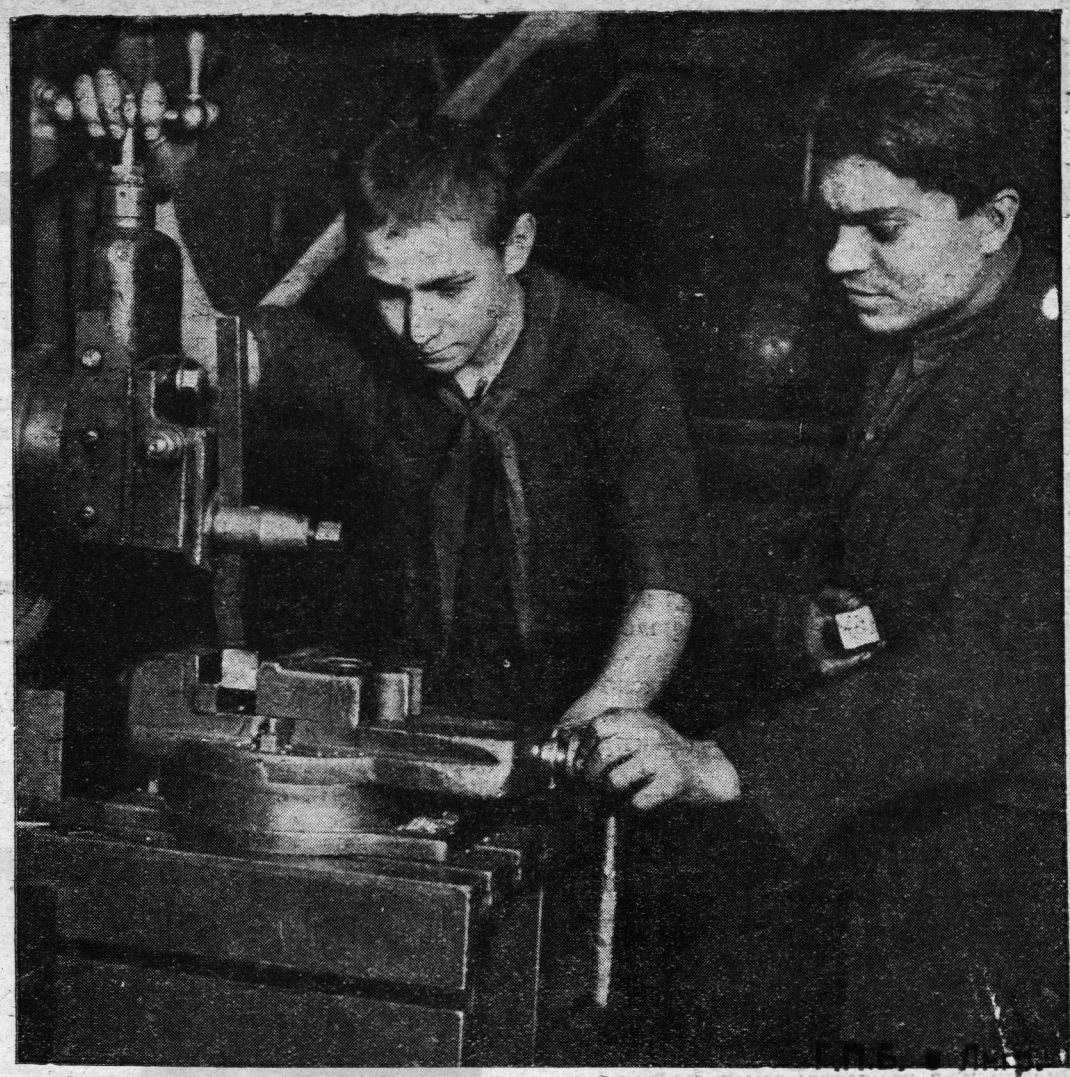
боевой и старейший общественно литературный журнал

№ 21

Орган ЦБ детской коммунистической организации имени Ленина при ЦК ВЛКСМ

М. Черкасский п., 3/4, тел. 4-51-54.

П 29
34



Пионер-фабзавучник за станком на заводе

Ц. 1933 г.
Акт № 24

Будем красноармейцами в учебе

Вечером 2 октября 1920 г. в зал, где заседал III с'езд комсомола, пришел Владимир Ильич Ленин. В зале сидели люди, многие из которых только что вернулись с фронтов гражданской войны, многим из которых через несколько дней после с'езда надо было итти на фронты гражданской войны. Республика советов в те дни была зажата огненным кольцом белогвардейских банд и войск интервентов.

На III с'езде Владимир Ильич выступил с речью, которая стала программой для всей работы комсомола.

И в этой речи, где говорилось о коммунистическом воспитании нового поколения, где говорилось об учебе, о строительстве коммунизма, о том, каким должен быть комсомолец, Владимир Ильич большое внимание уделил вопросу о сознательной дисциплине.

ГОВОРИТ ИЛЬИЧ

«Старая школа вырабатывала прислужников, необходимых для капиталистов, старая школа из людей науки делала людей, которые должны были писать и говорить, как угодно капиталистам».

«На место старой муштры, которая проводилась в буржуазном обществе, вопреки воле большинства, мы, — говорил Ильич, — ставим сознательную дисциплину рабочих и крестьян, которые соединяют с ненавистью к старому обществу решимость, умение и готовность об'единить и организовать силы для этой борьбы, чтобы из воли миллионов и сотен миллионов разрозненных, раздробленных, разбросанных на протяжении громадной страны создать единую волю, ибо без этой единой воли мы будем разбиты неминуемо. Без этого сплочения, без этой сознательной дисциплины рабочих и крестьян наше дело безнадежно. Без этого победить капиталистов и помещиков всего мира мы не сможем. Мы не закрепим даже фундамента, не говоря о том, чтобы на этом фундаменте построить новое коммунистическое общество. Также и в отрицании старой школы, в совершенно законной и необходимой ненависти к этой старой школе, в этой готовности разрушить старую школу мы должны понять, что на место старой учебы, старой зубрежки, старой муштры мы должны поставить умение, взять себе всю сумму человеческих знаний и взять так, чтобы коммунизм не был у нас чем-то таким, что заучено, а был бы тем, что вами самими продумано, был бы теми выводами, которые являются неизбежными с точки зрения современного образования».

ШЕСТИЛЕТКА ВМЕСТО ДЕВЯТИЛЕТКИ

Так говорил Ленин. А вот что пишут нам деткоры Минервин и Ржевский из 29-й школы Ленинского района Москвы.

«В прошлом году наша группа (4-я «А») была ударная. У нас была хорошая дисциплина, и мы шли впереди многих групп. А вот в этом году мы неумело начали учебу. С первого же дня у нас началось баловство. Это отразилось конечно на успеваемости ребят, и теперь наша группа — далеко не самая лучшая в школе. Часто у нас можно видеть такую картину: звонок, ребята врываются в свой класс и начинается «перестрелка» из резинок. Ребята даже не замечают, как входит в класс учитель. И так проходит 10—15 мин. в шуме и возне. Вместо 45-минутного урока у нас урок превращается в 30-минутный».

Каждому, кто прочтет эту заметку, должно быть ясно, что никакой сознательной дисциплины в группе, про которую пишут Минервин и Ржевский, нет.

Владимир Ильич особенно подчеркивал, что вместо старой муштры мы должны выработать «УМЕНИЕ ВЗЯТЬ СЕБЕ ВСЮ СУММУ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЗНАНИЙ».

Вот этого-то умения у нас зачастую нехватает. Ведь если пропадает 15 минут (т.-е. одна треть) на каждом уроке, то это значит, что пропадает одна треть всего времени обучения в школе. Подумайте сами, что это значит? Это значит, что девятилетнюю политехническую школу ребята своей недисциплинированностью зачастую превращают в шестилетнюю школу. Шесть лет учебы вместо девяти лет! Вот к чему приводят возня, шум, недисциплинированность на уроках.

СЕКРЕТ ПОБЕДЫ

Но дело конечно не в том, чтобы быть «паиньками» и «тихонями». Дело даже совсем не в этом. Дело в том, чтобы каждый пионер и школьник понял необходимость сознательной дисциплины во всем, самом крупном и самом мелком. Нужно твердо понять, что как для победы революции необходима твердая сознательная дисциплина в рядах рабочих и крестьян, точно так же эта сознательная дисциплина необходима на уроке в школе, в выполнении домашнего задания, в исполнении даже самой мелкой общественной обязанности. В этом, как говорится, соль, гвоздь, секрет победы.

Благодаря железной дисциплине в рядах Красной армии мы сумели отстоять от всех нападений капиталистов Республику советов. Благодаря железной дисциплине в рядах рабочих и трудящихся мы сумели построить гигантские фабрики и заводы, построить новые города, создать крупнейшее в мире сельское хозяйство, построенное на социалистических основах.

ТВЕРДОЕ УКАЗАНИЕ

В последнем постановлении о начальной и средней школе (25/VIII 1932 г.) Центральный комитет партии очень твердо указывает:

«В ряде случаев администрация школы и педагоги не обращают внимания на нарушение порядка в школе и не проявляют инициативы к укреплению сознательной дисциплины учащихся. Ввиду этого вменить в обязанность заведующим школами и педагогам повести настойчивую воспитательную работу, борясь с нарушающими порядок в школе проступками учащихся, привлекая к этому делу общественные организации, родителей, комсомольские и пионерские организации, а неисправных из учащихся, хулиганствующих и оскорбляющих учащий персонал, нарушающих распоряжения администрации школы и педагогов и ломающих школьный режим, подтящих или расхищающих имущество школы исключать из школы без права поступления в школу сроком от одного до трех лет».

КАКАЯ ШКОЛА ЛУЧШЕ?

Постановление Центрального комитета партии обязывает все школьные организации, в том числе и пионеров, решительно усилить борьбу за сознательную дисциплину. Ни одно нарушение дисциплины не должно проходить мимо внимания пионерской организации, в особенности когда нарушителями дисциплины являются пионеры. Однако в некоторых школах и педагоги и сами ребята неправильно поняли постановление ЦК.

Бывают случаи, что борьбу за сознательную дисциплину подменяют запугиванием ребят: «вы, мол, смотрите, а то не долог час, выш: бем вас из школы на три года». Такому запугиванию не должно быть места в школе. Исключение из школы — это крайняя мера. Эту меру можно применять для ограждения школы от хулигана, от тех, кто действительно мешает другим учиться и работать, портит школьное имущество, оскорбляет педагогов. Надо понять, что не та школа лучше, которая исключит больше ребят, а та школа лучше, которая сумеет хорошо организовать воспитательную работу и сведет на-нет недисциплинированность среди ребят.

Мы вырастем, мы будем работать на фабриках, в колхозах, в научных учреждениях, мы будем в рядах Красной армии. Нужно уже сейчас вырабатывать в себе коммунистическую дисциплинированность.

Чтобы стать завтра ударниками обороны, стать завтра красноармейцами труда нужно быть сегодня красноармейцами в учебе.

ПЕРЕКЛИЧКА ШКОЛЬНИКОВ

Сегодня на уроке географии вызвали к карте Гришу. Учитель дал ему задание—показать по старой карте изменение русла Днепра, где построена знаменитая плотина, какие места затоплены водой, и т. д.

Гриша, сконфузился, сел на свое об-вдруг громко, на весь класс, сказал:

— Мы это не учили и в учебнике этого нет.

Учитель окинул удивленным взором весь класс, а потом предложил кому-нибудь выйти и помочь Грише разобраться в трудной задаче.

Вышла Вера К. и очень интересно рассказала о строительстве на Днепре.

— Этого в учебнике нет?—спросил учитель.

— Я это знаю из газет, из урока обществоведения и из ваших рассказов,—ответила Вера.

Гриша, сконфуженный, сел на свое место, а я решил обязательно уговорить его заниматься со мной вместе.

г. Клин **Витя Сергеев**

На уроке русского языка был диктант. Писали под диктовку очень простой маленький рассказик Тургенева. Когда мы стали проверять друг у друга тетрадки, в классе поднялся шум и разговор.

— В чем дело?—спросила преподавательница.

— У Галкина много ошибок.

— И у Иванова тоже!

— И у Веры много!

Оказалось, все сделали столько ошибок в диктанте, что преподавательница пришла в ужас.

Теперь мы каждый день будем уделять время на диктант и на грамматику.

Москва **Степа Поспелов**

В нашу школу поступил мальчик, сын иностранного рабочего, его зовут Гарри Перельман. Он говорит на ломаном русском языке, но очень правильно и грамотно пишет.

Вожатый нам сказал, что с Гарри нужно брать пример и так же научиться владеть немецким языком, как владеет Гарри русским, кроме того Гарри читает газеты, а у нас в классе никто не читает даже наши «Ленинские искры».

Ленинград **Вера Мовшович**

Мне в классе хотели об'явить бойкот за то, что я не помог решить задачу Коле В. на проверочном уроке по математике. Я очень удивился, ведь мы решили соревноваться в знаниях.

Какое же будет соревнование, если мы будем списывать друг у друга?

Вне урока я с удовольствием поделюсь с кем угодно своим знанием.

Мне бы хотелось знать мнение ребят других городов, заслуживаю ли я бойкота.

Ребята, ответьте через «Пионер».

Г. Горький **Видревич Б.**

Наша VIII группа ударно принялась за учебу, и, как ни обидно, работа редколлегии стенгазеты, литкружка отошла на очень дальний план. Некогда собраться, чтобы потолковать о плане газеты, начать снова выпускать классный журнал.

Скоро у нас будет новый вожатый, тогда, верно, дело наладится.

Смоленск **Борис Ванин**

Наш пастух все больше и больше удивляет всех.

Его выбрали в редколлегию стенгазеты, и он почти один сделал всю газету, даже карикатуры на прогульщиков, на отстающих нарисовал сам. Газета вышла нарядная и сразу бросается в глаза—около нее все время толпятся ребята.

Свои заметки он подписывает «Пастух».

Когда мы писали письмо германским ребятам, с которыми мы познакомились через журнал «Пионер», наш пастух написал несколько фраз по-немецки, и учительница сказала:

— Ваня Горбатов написал грамотнее всех.

Ваня Горбатов—это и есть наш пастух.

Ярославль **Гриша Смирнов**

Дуню Каурову выбрали в санитарную комиссию, она сначала очень серьезно взялась за работу. Прошло две недели, и Дуня сама стала ходить с грязными ногтями и ушами.

Иваново-Вознесенск **Октябренок Соня**

В физическом кабинете у электрической машины

Село Самуилово, Зап. обл. Фото Б. Иваницкого

СТАРОЕ И НОВОЕ

ПРЕЖДЕ

Ребята попросили меня рассказать им о старой школе—гимназии, в которой я училась.

— Расскажите что-нибудь очень интересное.

Я им смогла живо, красочно описать наших учителей, классную даму, начальницу, «батюшку».

— Как будто на подбор все смешные, —смеялись ребята.

Дальше этого мой рассказ не шел. Очень интересное я вспомнить не могла.

Вспоминалась зубрежка, страх перед преподавателями, перед экзаменами, безрадостное детство в бедной семье.

— Мы летом в лагерь уезжаем, а вы куда ездили?

Этот вопрос мне задал мальчик, еврей, и тут я вспомнила очень интересное:

— В гимназии у нас была очень хорошая, способная девочка, еврейка.

Евреи принимались в гимназию по строго установленному проценту.

Они должны были особенно стараться учиться, иначе их могли исключить.

Соня Мовшович помогала учиться всем отстающим девочкам.

Бледная, худенькая, всегда задумчивая, она приветливо улыбалась всем, кто просил ее помочь решить задачу, написать сочинение.

Она была из очень бедной семьи. Учиться дома ей не давали маленькие дети и домашняя работа, и она постоянно на переменах, на свободных уроках сидела с книгой, приготовляя урок к следующему дню.

Аля Круглова была дочерью священника, который преподавал у нас в младших классах закон божий.

Алю любили преподаватели и ставили ей хорошие отметки, вызывая удивление всего класса.

Однажды на уроке математики была проверочная работа.

Нас рассадили по чужим партам, чтобы мы не могли списывать с книг и подсказывать.

Соня очутилась рядом с Алей.

Аля поморщилась и написала записочку своей подруге: «С жидовкой противно сидеть».

Соня это увидела и конечно обиделась. Задача оказалась трудной, Аля не могла ее решить, помощи ждать было неоткуда, как только от Сони, и она зашептала:

— Соня, милая, помоги.

— Ведь я жидовка!

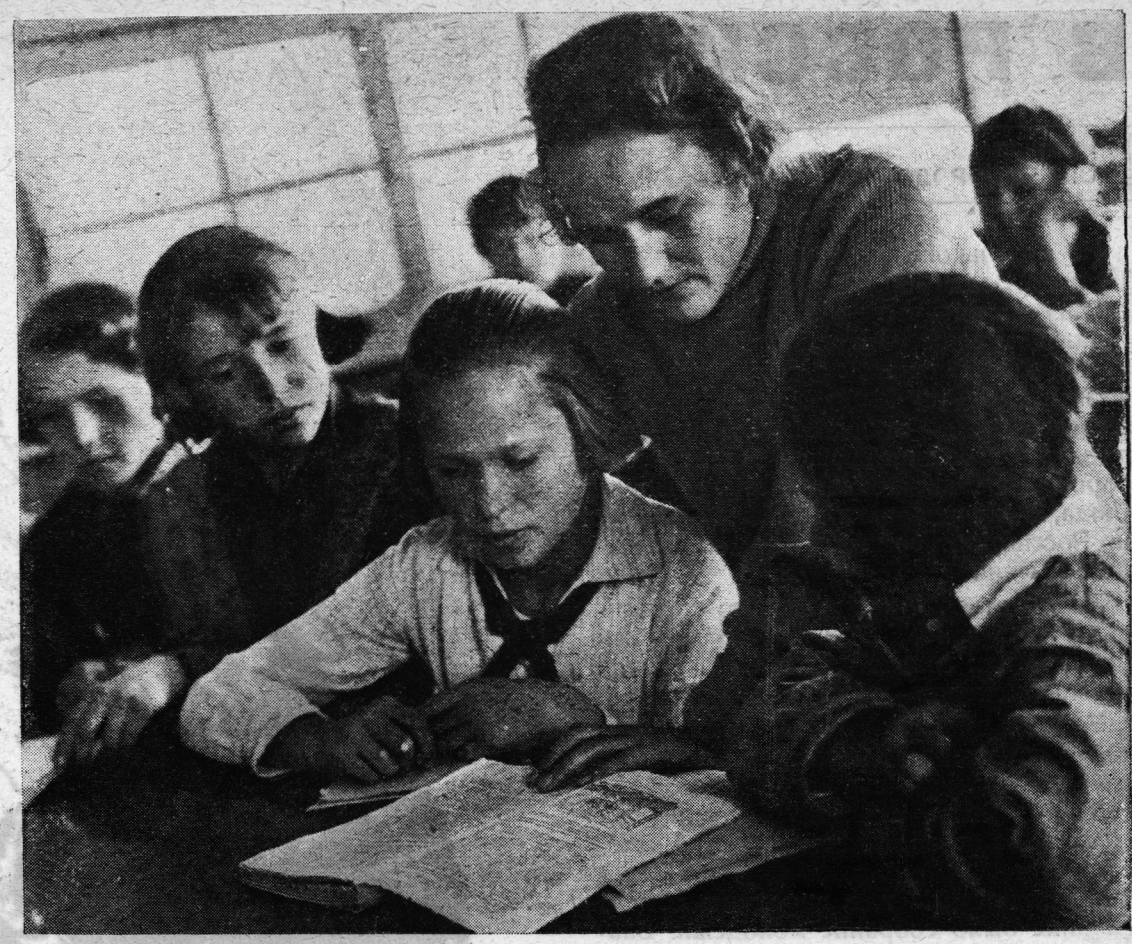
— Я попрошу папу, он тебя окрестит.

— Я не хочу этого, напрасно будешь просить папу.

Заметив их разговор, к ним подошел учитель.

— В чем дело?

— Я не могу сидеть с Мовшович, она ругает моего отца, потому что она еврейка,—выпалила Аля, краснея и заикаясь.



На уроке грамматики — Фото Союзфото

— Мовшович, выйдите из класса, — грозно сказал учитель.

— Я... я... Это совсем было не так...— лепетала побледневшая Соня.

— Выйдите, я вам сказал.

Соня, сгорбившись, дрожа всем телом, не глядя на подруг, вышла из класса.

Аля плакала: она расстроена, она не может решить задачи. Ей притащили воды, помогли собрать книги и отправили домой отдохнуть.

ТЕПЕРЬ

В нашем классе, даже пожалуй во всей школе, нет ни одного еврея. Это об'ясняется тем, что в городе имеется еврейская школа с интернатом.

Недавно к нам в класс вошел худенький, бледный мальчик—еврей. Он остановился в дверях класса и боязливо смотрел на нас.

Из ребят никто не знал его, поэтому тоже все притихли и смотрели на него, как на «чудо», пока не вошла в класс заведующая.

— Ребята, вот вам новый товарищ Миша Рахлин. Он только что приехал в Одессу из Варшавы и будет учиться у нас в школе.

Миша Рахлин робко прошел на указанное ему место. Он сел со мной.

Потому ли, что он робок, или просто из озорства, ребята на перемене принялись его дразнить:

— Почему тебя зовут «рохля»?

— Почему у тебя торчат уши?

— Почему ты худой, как спичка?

Миша краснел, бледнел, виновато улыбался, а глаза его наполнялись слезами.

В этот же день было совещание преподавателей. Соню исключили, и в этот же день Соню нашли на чердаке—она повесилась на полотенце.

Разговор Сони и Али слышала девочка, сидевшая на соседней скамейке, любившая Соню, она рассказала его нам, мы об'явили Але бойкот.

Аля вела себя очень гордо и на вопросы ее друзей отвечала:

— Я не раскаиваюсь, она жидовка и поступила не по-христиански, не помогла мне, а потом повесилась.

Наконец я не выдержал и начал дубасить всех, кто подходил к Мише с нелепыми вопросами.

— Пойдем со мной. Я тебе покажу нашу мастерскую и крольчатник.

— Разве ты будешь со мной дружить? Ведь я—еврей,—удивленно сказал Миша.

Я ему об'яснил, что у нас в Союзе нет разницы между национальностями, что мы все должны быть братьями.

Миша привязался ко мне.

Скоро наши ребята поняли свою ошибку и стали хорошо относиться к Мише. Каждый старался что-нибудь сделать для него.

Когда Мишу переводили по настоянию родителей в еврейскую школу, ему не хотелось уходить от нас.

— Я привык к вам!

— А мы через тебя смычку с вашей школой наладим,—утешали мы его.

Мы часто встречаемся с Мишей, он заходит к нам в школу.

Скоро мы заключаем соцдоговор с еврейской школой.

Одесса **Сергей Орлов**

В РОССИЮ

Рассказ С. БЕЗБОРОДОВА

Рисунки В. Свар га

Из маленького швейцарского городка Цюриха Владимир Ильич внимательно следил за тем, что делается во всем остальном мире. Отсюда Ленин следил за борьбой рабочих и солдат против войны, здесь он писал свои книги и газетные статьи, отсюда им рассылались письма и указания своим товарищам по борьбе против войны и капитализма. Сюда, в Цюрих, шли к Ленину письма из России, из Германии, Швеции, Франции, Италии.

Ленин отвечал каждому, кто спрашивал у него совета, будь то отдельный рабочий или солдат или целая группа революционеров—противников войны.

Уже во многих странах собирались такие группы ленинских единомышленников. Владимир Ильич поддерживал постоянную связь с ними, руководил их борьбой за освобождение рабочего класса.

22 января 1917 г. в народном доме в Цюрихе было собрание молодежи. Владимира Ильича пригласили на это собрание—рассказать о русской революции 1905 г. На собрание пришло много немецкой, итальянской, французской молодежи, убежавшей из своих стран, чтобы не принимать участия в войне.

Вначале Владимир Ильич рассказывал о московском восстании, о совете рабочих депутатов, о 9 января.

Собравшиеся слушали его с огромным вниманием.

Владимир Ильич говорил, что революция 1905 г.—это пролог, вступление, первая глава грядущей пролетарской революции.

— Мы, старики, может быть не доживем до решающих битв этой грядущей революции,—с затаенной грустью сказал он в заключение.

Прошло несколько дней.

К Ленину неожиданно входит Бронский, тоже большевик, как и Ленин живущий в Швейцарии.

— Вы ничего не знаете? — кричит Бронский с порога, даже не здороваясь.—В России революция!—и он поспешно стал рассказывать, что на улицах продают экстренные телеграммы с известиями из России.

Скорее на берег озера, где на деревянных щитах под навесом расклеивают все газеты, как только они выходят! Владимир Ильич и Надежда Константиновна поспешно идут к озеру. Около навеса уже толпа. Несколько раз Ленин внимательно читает и перечитывает короткие телеграммы о Февральской революции в Петербурге и Москве.

— С первых же минут,—рассказывает Надежда Константиновна,—как только пришла весть о Февральской революции, Ильич стал рваться в Россию. Англия и Франция ни за что бы не пропустили в Россию большевиков. Для Ильича это было ясно.

Мы боимся, — писал он в письме к одному товарищу,—что выехать из проклятой Швейцарии не скоро удастся.

Ленин внимательно читает и перечитывает короткие телеграммы о Февральской революции в Петербурге и Москве

Надо ехать нелегально. Легальных путей нет. Но как?

Владимир Ильич даже почти не спал. По ночам он начинал строить самые невероятные планы, как бы пробраться в Россию. Можно перелететь на аэроплане, однажды решил он. Но где достать аэроплан? Кто из летчиков согласится везти такого страшного пассажира, как Ленин? Невозможно все это проделать незаметно. Нет, аэроплан не годится! Надо достать паспорт какого-нибудь иностранца, лучше всего такой страны, которая не воюет. Хорошо бы раздобыть шведский паспорт и поехать под видом шведа. А как быть с языком? Ленин не знает шведского языка.

— Я притворюсь немым!—решает он наконец.

Надежда Константиновна смеется.

— Заснешь, увидишь во сне меньшевиков и станешь ругать их. Вот и пропадет вся конспирация!

Как пробраться в Россию? Ведь в России революция, а приходится сидеть, сложа руки, в Швейцарии, отделенным от России колючими проволоками многих фронтов.

— 19 марта,—рассказывает т. Крупская,—состоялось совещание различных

политических групп русских эмигрантов, проживавших в Швейцарии, о том, как пробраться в Россию. Был выдвинут проект—добиться пропуска эмигрантов через Германию в обмен на находящихся в России германских и австрийских пленных. Однако никто на это не шел. Только Ленин ухватился за этот план.

Владимир Ильич начал всячески толкать и двигать это дело. Иными путями попасть в Россию невозможно. Ильич пишет письма т. Ганецкому, который сидит в шведском городе Стокгольме, Ганецкий уже пишет в Петроград тамошним большевикам. А те всячески хлопочут и нажимают на временное правительство. Правительство министров-капиталистов всячески тормозит и смазывает это дело. Министры боятся и ненавидят большевиков. Они не хотят, чтобы Ленин ехал в Россию.

Наконец Владимир Ильич настоял на том, чтобы начать переговоры при посредстве Фрица Платтена, швейцарского социалиста-интернационалиста.

Платтен заключил точное письменное условие с германским послом в Швейцарии. Главные пункты условия были: 1) едут все эмигранты, без различия их взглядов на войну; 2) в вагон, в котором едут эмигранты, никто не имеет права входить без разрешения Платтена; 3) едущие обязуются агитировать в России за обмен пропущенных эмигрантов на такое же число австрийских и немецких пленных.

— Когда пришло письмо из Берна, что переговоры Платтена пришли к благополучному концу, что надо только подписать протокол и можно уже двигаться в Россию, Ильич решил ехать с первым поездом.

До поезда оставалось два часа. За два часа надо было ликвидировать все наше «хозяйство», расплатиться с хозяйкой, отнести книги в библиотеку, уложиться и пр. В течение двух часов все было сделано. Мы уехали с первым поездом в Берн.

В бернский народный дом стали съезжаться едущие в Россию товарищи. Всего ехало 30 человек, если не считать четырехлетнего кудрявого Роберта, сынишки одной бундовки, ехавшей с нами.

В Россию! Скорее в Россию! Наконец поезд тронулся.

Ильич весь ушел в себя, мыслью был уже в России. Дорогой говорили больше о мелочах. По вагону раздавался веселый голосок Роберта.

А путь предстоял не близкий. Надо было проехать Германию, Швецию, Финляндию. Никто еще не знал, как встретит возвращающихся большевиков временное правительство помещиков и капиталистов.

НОЧЬ 16 АПРЕЛЯ

Уже наступал поздний апрельский вечер. На кораблях и на берегу уже поужинали и напились чаю. Матросы сидели на бронированных палубах небольшими группами. Кто играл на балалайке, кто резался в шашки. По Приморскому бульвару матросы ходили, обнявшись и напевая песни. На скамейках у казарм стирали белье.

Вдруг на военных кораблях забили колокола. В береговых казармах и экипажах громко заиграли рожки и трубы. Сигнальщики на мачтах махали разноцветными флажками.

Боевая тревога!

К оружию!

Кронштадт забурлил. По улицам, гремя сапогами, бежали матросы. На площадях строились длинные шеренги черных зюйдвесток. Стрекоча по камням мостовых, катили пулеметы. На берегу матросы надевали подсумки и щелкали затворами винтовок.

Через несколько минут и на кораблях и на берегу все были под ружьем—в полной боевой готовности.

На всех кораблях председатели матросских комитетов вышли вперед:

— Товарищи! Только что получено известие, что часов в 9 вечера приезжает в Петроград из-за границы товарищ Владимир Ильич Ленин!

На кораблях поднялся громкий радостный крик. Было слышно, что и на берегу кричали «ура».

— Встречать!—кричали матросы.

— Делегацию!

— Выбирай делегацию!

— Всем встречать!

— Да здравствует Ленин!

Орудийный механик Ложкин выскочил вперед:

— Надо, братцы, отряд организовать. Охрану надо товарищу Ленину. Буржуи убить могут за милую душу!

— Отряд! Отряд!—закричали матросы.

— А делегацию сей секунд посылать, а то не поспеет!—выкрикивал Ложкин.

Стало уже темнеть.

Матросы, которых выбрали представителями от кронштадтских моряков, захватили на рейде самые быстроходные катера. Машинисты дали газ. Взревели винты и бросили на набережную широкую и большую волну.

— Смотрите, гоните во всю! Чтобы обязательно поспеть!—кричали с берега.

— Поспеем! — отвечали с катеров. — В лучшем виде поспеем!

А времени оставалось мало.

Катера шли один за другим в кильватерной колонне. Ветер рвал ленточки на шапках матросов и гудел в винтовочных дулах. Далеко по заливу расходились широкие волны от острого носа ведущего катера.

В морском канале вышла заминка. Неуклюжая финская шаланда загородила путь.

— Куда прешь, чорт желтоглазый! — кричал Ложкин с носа передового катера и махал сигнальным фонарем.—Бери лево,—сказал он рулевому,—все равно не развернуться.

Рулевой посмотрел на Ложкина с испугом:

— Там же глубины-то два фута. Сядем...

— Давай на счастье! Если за этой каракатицей итти, опоздаем к товарищу Ленину!

Лоцман финн кричал что-то с шаланды и размахивал руками.

— Счастливо оставаться!—орали матросы и свистели в четыре пальца.

Вот уж и Балтийский завод.

Уже фонари загорелись на Английской набережной. Прохожие останавливаются и с удивлением смотрят, куда это так несутся, зарываясь в пену и волны, серые узконосые катера.

Гудя пролетами, налетел Николаевский мост.

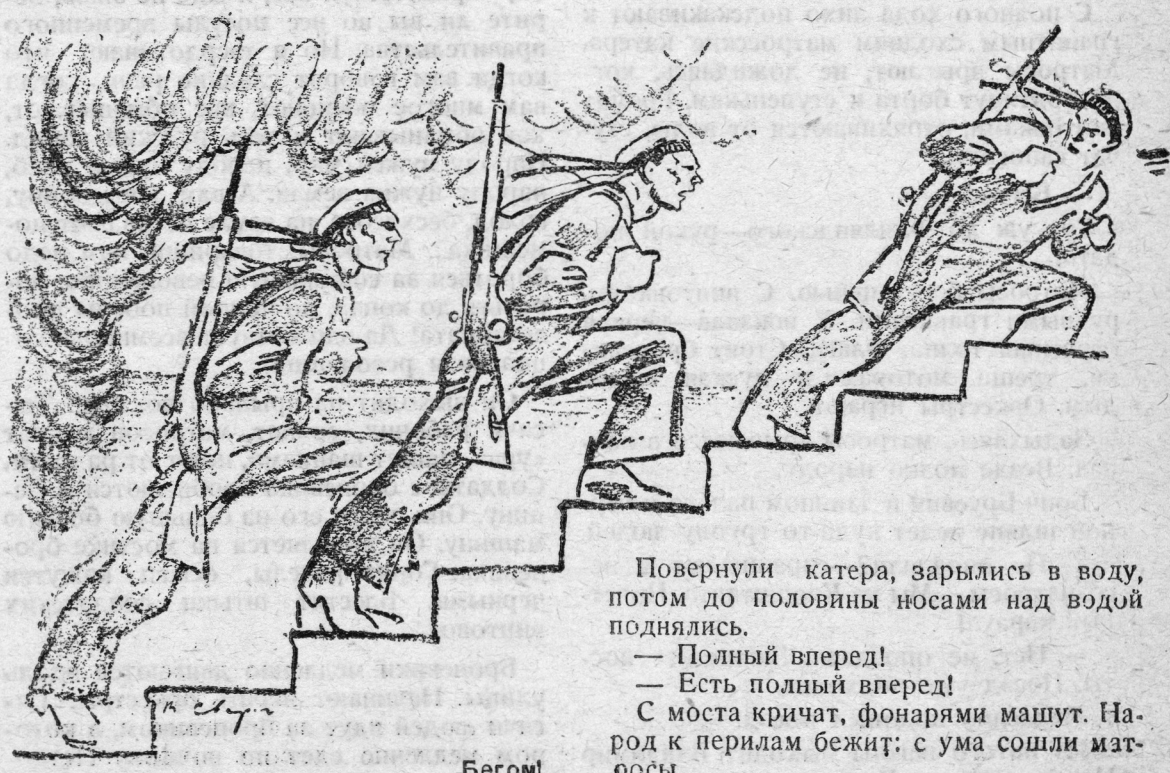
Мимо!

— Газу, газу давай!—кричат матросы. А машинисты, все черные, хлопочут у ревущих моторов.—Идем полным! Больше некуда!

— Эх, опоздаем!—говорят матросы.—Неужели, братцы, опоздаем?

Дворцовой мост. В среднем пролете идет буксирный пароходишко.

— Давай вдоль стенки, мать честная! —кричит Ложкин.—Давай на счастье!



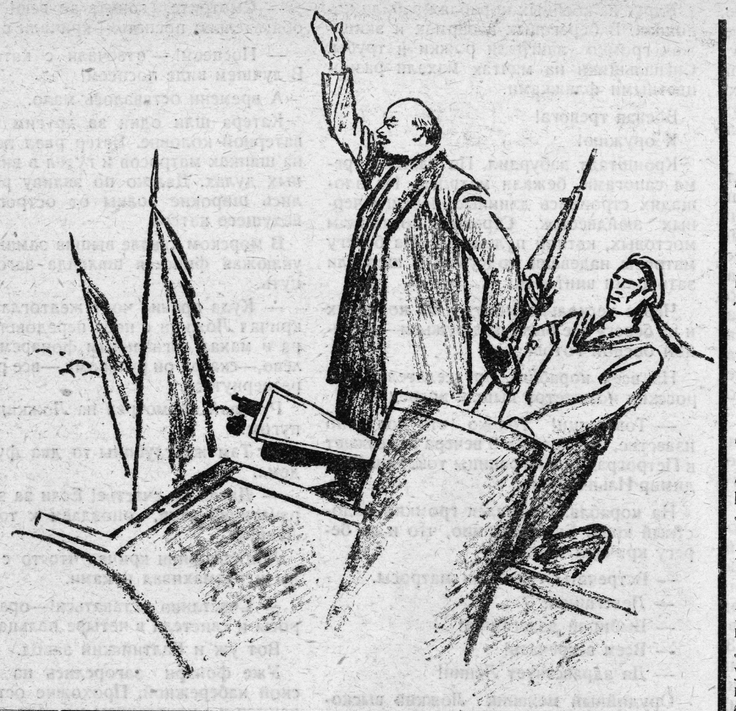
Бегом!

Повернули катера, зарылись в воду, потом до половины носами над водой поднялись.

— Полный вперед!

— Есть полный вперед!

С моста кричат, фонарями машут. Народ к перилам бежит: с ума сошли матросы.



Ленин говорит с броневика: „Да здравствует всемирная революция!“

ВЕЧЕР

Вдоль самой набережной один за другим пролетели катера, только брызги летят да волны хлещут в гранит.

— Без двадцати девять...

— Твои вперед.

— Наверное вперед, — соглашается матрос, а сам знает—часы верные, по пушке сегодня ставил.

Вот уж и Литейный мост.

— Швартуйся к мосту!

С полного хода лихо подскакивают к гранитным сходням матросские катера. Матросы прыгают, не дожидаясь, когда подтянут борта к ступенькам. Гремят винтовками, отряхиваются от воды, стучат сапогами.

— Бегом!

Тут уж до Финляндского—рукой подать.

Матросы бегут цепью. С винтовками, ручными гранатами. У вокзала—черная огромная толпа. Флаги. Стоят броневики, треща моторами и пуская синий дым. Оркестры играют.

Задыхаясь, матросы врываются в вокзал. Везде полно народу.

Бонч-Бруевич в длинном пальто и черной шляпе ведет куда-то группу людей.

— Не опоздали?—спрашивают у него матросы.—Мы из Кронштадта. Почетный караул!

— Нет, не опоздали. Занимайте посты. Поезд уже подходит.

Медленно подошел поезд.

Из пятого вагона выходит Владимир Ильич, за ним—Крупская.

— Сми-и-и-р-но!—громко командует матросский командир.—На кра-а-ул!

— Смирно!—передается команда в вокзал, где караул несут солдаты.—На кра-а-ул!

— Смирно!—командуют на площади.

Оркестры заиграли марш.

Владимир Ильич идет по фронту почетного караула. Останавливается, снимает шляпу.

— Матросы, товарищи, — говорит он,—приветствуя вас, я еще не знаю, верите ли вы во все посулы временного правительства. Но я твердо знаю, что когда вам говорят сладкие речи, когда вам многое обещают, вас обманывают, как обманывают и весь русский народ. Народу нужен мир, народу нужен хлеб, народу нужна земля. А вам дают войну, голод, бесхлебье, на земле оставляют помещика... Матросы, товарищи, нам надо бороться за социальную революцию, бороться до конца, до полной победы пролетариата! Да здравствует всемирная социальная революция!

Он выходит на крыльцо вокзала. Тысячи рабочих, солдат, матросов кричат «ура», машут шапками, поют от радости. Солдаты с броневика пробиваются к Ленину. Они ведут его на большую боевую машину. Он появляется на мостике броневика. Горят факелы, флаги кажутся черными. Блестят штыки солдатских винтовок.

Броневики медленно двигаются вдоль улицы. Начинают играть оркестры. Тысячи людей идут за броневиком, в котором медленно едет по ночному Петрограду вождь большевиков.

ПРЕЖДЕ, ЧЕМ

С некоторых пор я смотрю на небо, на луну и на звезды, как на нечто вполне досягаемое. Планетарий, думаете вы? Ошибаетесь! Я говорю о настоящей луне, о живых и погаснувших звездах. Я теперь смотрю на звездное небо так, как смотрят на другой берег широкой реки: Доплывем? Доплывем! Безусловно доплывем до тех звездных берегов мира!

Так я стал относиться к звездам с тех пор, как побывал в городе Калуге. Потому что дорога к звездам лежит именно через Калугу.

«Через знания—к звездам»—говорили древние римляне.

И знания, которые необходимы людям, чтобы проникнуть в звездные миры, даны нам человеком, живущим в Калуге. Имя этого человека — **Константин Эдуардович Циолковский.** И имя это известно ученым всего мира.

Константин Эдуардович Циолковский родился 75 лет назад. Отец его был лесничим и философом неудачником. Маленький Костя Циолковский очень рано увлекся математикой и физикой. Потом начал мастерить, конструировать и изобретать. Четырнадцати лет он проделал первые опыты с бумажным воздушным шаром, надув его дымом. Он завел самодельный токарный станок. На нем Костя построил особую коляску, которая бегала во все стороны при помощи ветра. Коляска удалась на славу. Она ходила по доске крыши даже против ветра. Семнадцати лет Костя Циолковский уже знал на-зубок высшую математику. Когда ему было девять лет, скарлатина лишила его слуха. В школе учиться Костя не мог. Ему приходилось учиться дома одному, а потом сдавать экзамен. И Константин Эдуардович стал сам учителем математики и физики. 40 лет он преподавал в школе, но все время продолжал настойчивую работу над двумя своими изобретениями, которые прославили его на весь мир.

Первое изобретение—это управляемый дирижабль, построенный целиком из металла. Тогда еще и в помине не было цеппелинов. Люди лишь мечтали об аэростате, который бы мог лететь, куда угодно. И вот Циолковский создал проект, дал расчеты и чертежи огромного воздушного корабля, обтянутого металлической пленкой. Но царское правительство по своей тупости и некультурности не использовало этого изобретения.

Вторым мировым открытием Циолковского, которое уже прославило его по всей нашей планете и прославит еще по всей вселенной, вторым гениальным гигантским открытием был аппарат для полета на другие планеты.

Аэроплан не смог бы лететь в мировом пространстве: там нет воздуха, нет опоры для крыльев самолета.

Воздушный шар лопнул бы и упал, как камень, ведь кругом него была бы пустота, шар бы не мог плавать в ней.

Ни один винт ни один пропеллер не смог бы вести машину в пустоте: не во что ввинчиваться.

Л. КАССИЛЬ

ЛЕТЕТЬ НА ЛУНУ

Это все равно, что пробовать самого себя за волосы поднять...

Казалось, что человеку нет выхода во вселенную.

Но вот этот выход был открыт. Его нашел калужский учитель.

Великий русский самоучка предложил лететь в межпланетное пространство на ракете...

Циолковский не только впервые предложил использовать ракету для межпланетных путешествий, но и научно обосновал свою мысль.

Ракете не нужна внешняя опора. Она—внутри ракеты, в той силе, которая образуется при взрыве газов или пороха. С одного конца газы, взрываясь, свободно исходят из ракеты. Но другой конец камеры взрыва закрыт. Газы толкутся там, они упираются в эту стенку и дают движение вперед всей ракете.

Это то, что называется отдачей. Силой отдачи ракета может лететь и в пустоте.

Значит, если построить большой корабль—ракету, в нем можно будет летать, куда угодно, хоть на луну, хоть на Марс. Люди запасутся горючим для взрывов, кислородом для дыхания и пищей. Люди полетят во вселенную. И на луне люди поставят памятник Циолковскому, человеку, который открыл нам выход в межпланетье.

Но царское правительство испугалось такого изобретения... Как это так, лететь к звездам? Позвольте! А бог? Да вы там всех ангелов передавите! И Циолковскому было отказано в помощи.

«Небесный кустарь» — издевались над ним царские ученые.

Без денег и помощи, голодая, Циолковский продолжал работать над своим изобретением. Все свободное время он проводил в маленькой рабочей комнате, чертя, вычисляя, уточняя свой межпланетный аппарат и проект дирижабля.

Лишь после Октябрьской революции изобретения Циолковского стали заботой и гордостью государства—первого рабоче-крестьянского государства.

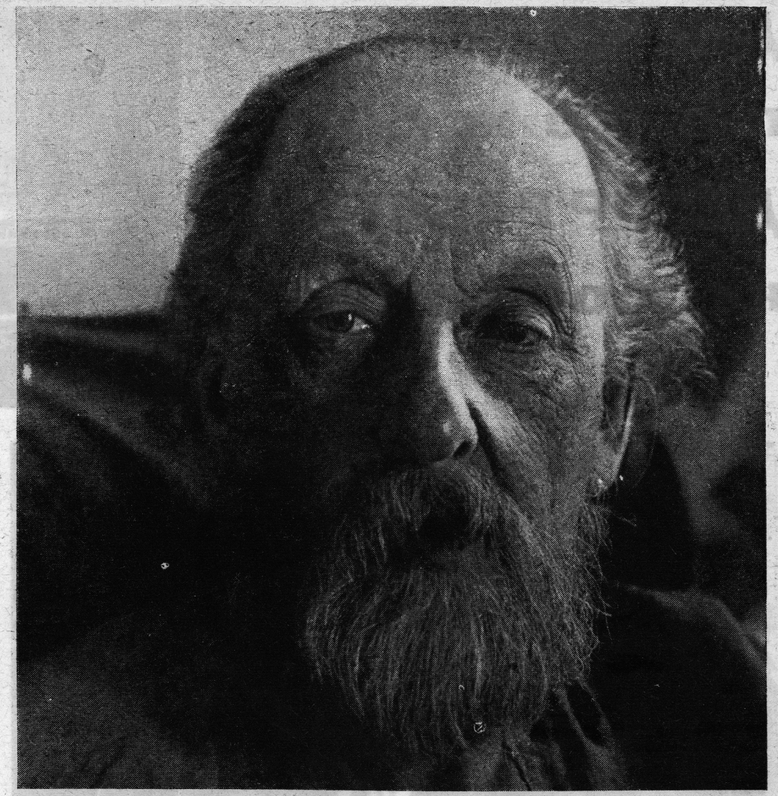
Советская власть дала ученому персональную пенсию. Создались кружки исследователей ракетных двигателей. Его металлический дирижабль был включен в общий план советского дирижаблестроения и его межпланетное металлическое имя стало хорошо известно во всех концах Союза.

Недавно я гостил у Циолковского в его маленьком тихом домике в Калуге.

Циолковский совсем не так дряхл, как это может показаться с первого взгляда. Он деятелен и смешлив. Он усаживает меня, придвигает большое кресло, «устраивается» в нем. Затем он вооружается огромной трубой в виде воронки с длинным узким горлом. Через этот самодельный «слуховой телескоп» он слушает собеседника.

— Ну, когда же мы полетим на луну, Константин Эдуардович? — спрашиваю я Циолковского.

— Ишь прыткий,—говорит Циолковский,—не-е-ет... Это не так скоро. Сов-



Заслуженный деятель науки Константин Эдуардович Циолковский

всем не так скоро... Много лет, много сил!.. Сначала еще пусть стратосферу завоюют...

В комнату на минуту заходит его помощник. Он вступает в спор.

— Комсомол наш уже определенно полетит... Ракета сделала огромные успехи. А о пионерах я и не говорю... Эти не только на луну, на Марс полетят!

— Ой, не полетят еще,—говорит, смеясь, Циолковский, и труба его ходит от одного собеседника к другому.—Ну, ну, ладно... полетят. Не буду вас охлаждать. Увлечение необходимо в деле. И кто знает, впрочем... Может быть и очень скоро... Мало ли что казалось недостижимым. А ведь достигли! А вот дирижабль мой, этот может хоть сейчас полететь. Пусть только построят!! Ведь это нужно СССР, а значит... всему человечеству.

В крохотной мастерской Циолковского на простом верстаке дозревают на солнышке яблоки. Тут помещается склад изданий всех его трудов, сотни книг. В углу навалены диковинной формы ладьи. Самодельные фигуры, тела иного мира. Все это сделано руками самого ученого. Прислоненная к стенке, стоит модель дирижабля из волнистой стали.

Вечером в клубе железнодорожников калужане чествовали своего земляка—звездоплавателя. Днем еще на предприятиях и в школах проводились собрания и велись беседы. На заводе НКПС рабочие создали специальные бригады им. Циолковского. Школьники 4-й ФЗС единогласно послали Циолковскому благодарность за дирижабль, предлагали «в ответ на это» организовать кружки по технике, поднять качество учебы, укрепить работу Осоавиахима и МОПР.

Земляки межпланетника сумели использовать 75-летний юбилей звездоплавателя в самых «земных» целях.

Железнодорожники обещали налаживать сообщение... пока на земле. Колхозники брались за овладение техническими знаниями. Красноармейцы с новой энергией брались за усвоение военной техники.

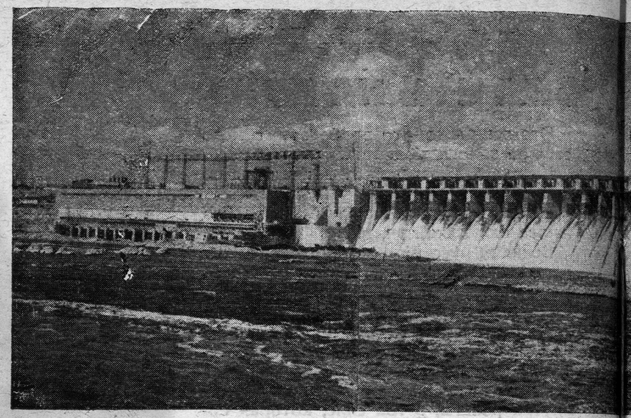
Калужские рабочие и колхозники, дирижаблисты и ракетчики, приехавшие из Москвы, научные работники Калуги до отказа заполнили вечером клуб железнодорожников.

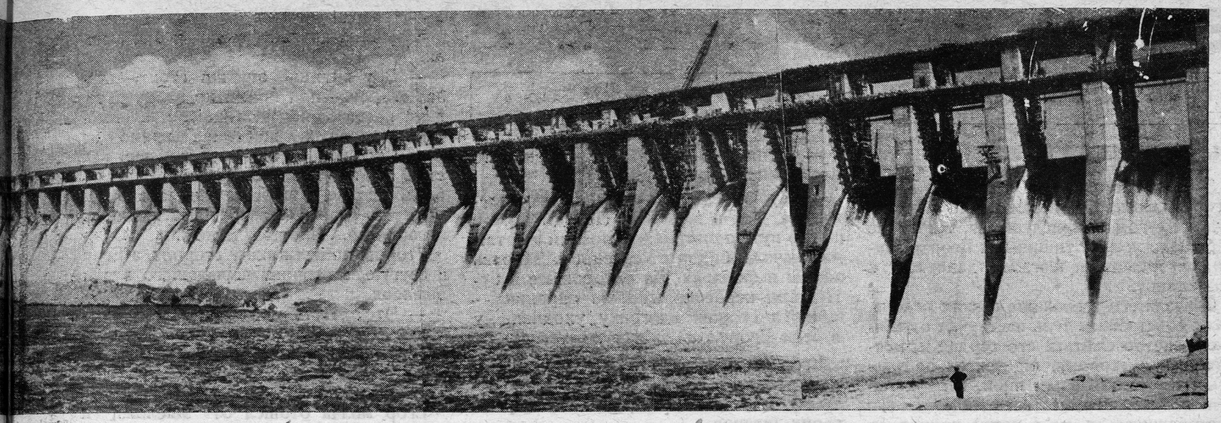
Занавес пошел вверх, как аэростат. Привставший зал горячо и любовно аплодировал. На авансцене у стола сидел Циолковский. Земляки хлопали. Циолковский встал. Он подошел к краю сцены, снял котелок и медленно стал махать им, далеко заводя за голову вытянутую руку.

Так машут встречающим с палубы корабля, возможно и межпланетного.

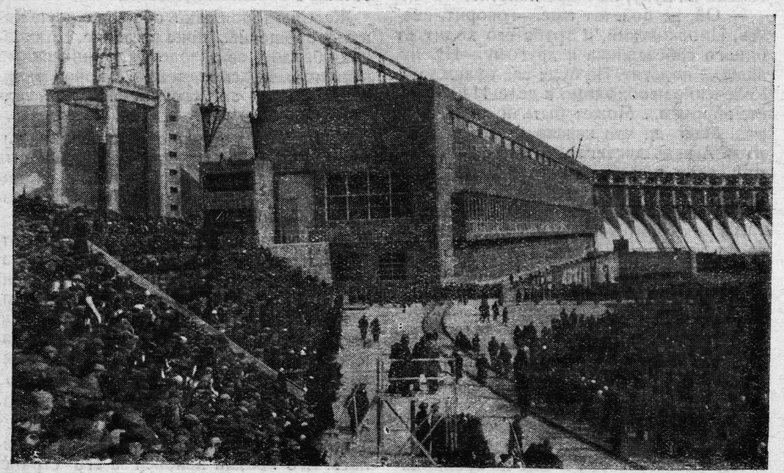
Мечта великого самоучки исполнилась. Его поняли наконец в его стране. Его поняли рабочие и колхозники, окрепшая мысль которых не боялась межпланетных планов.

ДНЕПР
побежден,
ДНЕПР РАБОТАЕТ
на социализм

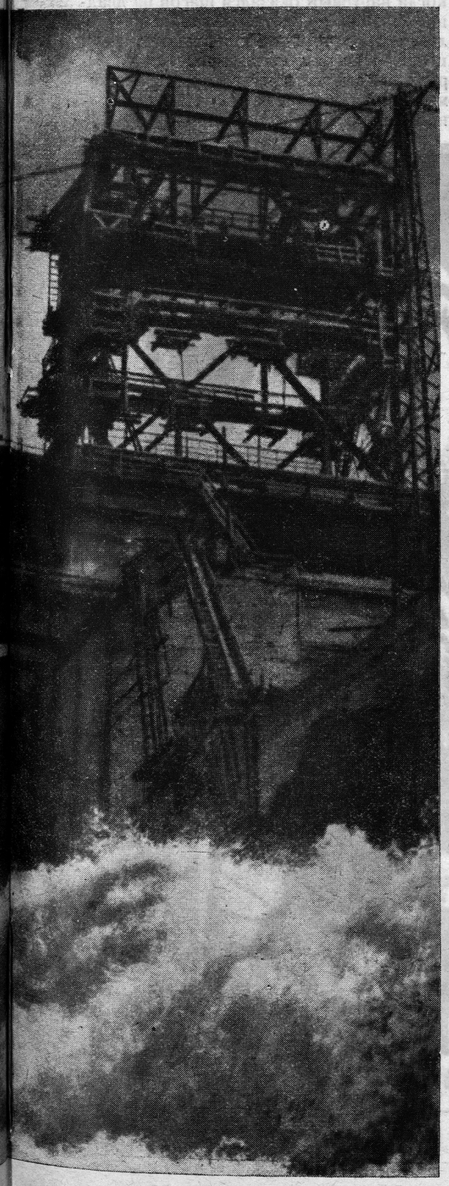


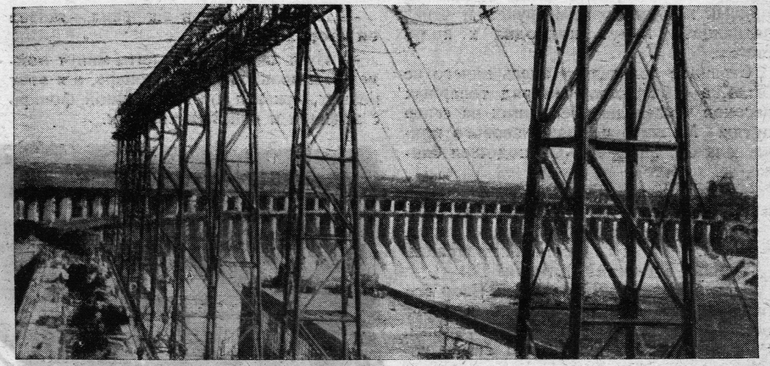


Члены правительства идут на митинг, посвященный пуску Днепростроя



Торжественный митинг, посвященный пуску Днепростроя





Сверху вниз: Плотина и здание Днепрогэс после пуска. Одна из улиц соцгородка Днепрогэс. Красноармеец на-страже гиганта первой пятилетки.

ЕГОР САНЕВ

Рассказ АВСЕЕНКЕВИЧА | Продолжение | Рисунки И. Аввакумова

III. ДАРНИЦА ГОРИТ

Звезды густо усеяли небосвод, когда Егор вылез из своей землянки. Он оглянулся кругом и прислушался. Ничто не нарушало лесной тишины, и Егор легкими, осторожными шагами двинулся к полустанку.

Сначала его тревожила всякая мелочь, даже собственная тень заставила однажды трепетно сжаться его сердце и, метнувшись в сторону, он присел за толстым свежеспиленным пнем. Шорох маленьких лесных обитателей заставлял его настораживаться, но в конце концов он привык к этим ночным звукам и через пятнадцать минут подходил к полустанку.

Странное дело: днем здесь ничего не было, а сейчас длинный ряд товарных вагонов чернел на убегающих на север путях. Мерная поступь часового привлекала его внимание. Он подошел ближе.

— Стой! Кто там?—окликнул часовой, и Егор услыхал щелканье затвора.

Он остановился. Сердце у него упало.

— Я... свой это... местный... здешний.

— Який здешний? Виткиля? Га!

Егор беспомощно оглянулся. Взор его быстро обежал все постройки и вдруг остановился на будке путевого сторожа. Спасительная мысль пришла ему в голову.

— Племянник я сторожа. Скоро выходить надо с фонарем к поезду, а то видишь, сколько вагонов наставлено, так и до крушения недолго.

— Типун тебе на язык! Крушение! Да если тут крушение будет, так от этой Дарницы мало что останется. Видишь, поезд стоит, с гостинцами для красных, а ты—крушение! Проходи скорее за фонарями своими...

Егор не заставил просить себя дважды. Быстро пробежал он мимо страшного часового к будке. Открыл дверь и очутился в небольшой комнате.

В дальнем углу тусклым светом горела керосиновая лампочка, освещая стол За столом сидел какой-то человек и читал затрепанную книжку. Он оторвался от книги при скрипе открывающейся двери и удивленно посмотрел на Егора.

— Тебе что надо?—спросил он.

— Ничего, так, зашел отдохнуть. Может быть, помочь надо, я могу,—закончил Егор.

— Ты осторожней здесь, смотри,—сказал сторож.—На станцию прибыл эшелон со снарядами. Убить могут, если неосторожно обращаться будешь... А ты откуда, из города?—спросил сторож.

— Из города. Убежал от петлюровцев днем, прятался в лесу до ночи... К отцу собираюсь... к красным... — выпалил Егор, почувствовав вдруг большое доверие к этому бородатому человеку.

— Ну, садись, коли так,—сказал сторож,—отдохни здесь, спрашивать будут, скажи, сынок мне приходишься.

— Меня спрашивали уже. Сказал, что племянник я тебе.

— Ну и ладно. Племянник, так племянник. Так и запишем. Пойдем вместе ночью путь осматривать. Возьми вон там для начала бидон с керосином. Заправь лампы в фонарях. Да осторожнее с бутылками керосиновыми, не опрокинь,— крикнул сторож вдогонку уходившему в сени Егору.

Егор разыскал бутылки и бидон. Налил в лампы керосин, долил одну бутылку из бидона и запрятал ее в карман своих штанов.

— Готово, налил и заправил,—сказал он сторожу.

— Ну и ладно. Через пять минут пойдем. Ты возьмешь этот фонарь, а я этот возьму,—указал он на большой фонарь с зеленым и красным стеклом.

— Пошли!

Егор взял другой фонарь, и они вышли.

— Вот видишь, эшелон стоит,—сказал сторож,—иди прямо по этому пути, пока не выйдешь на линию. Как выйдешь, сверни на шоссе и... прямо на Козелец, дорога хорошая, ровная, как стол. Ну, прощай, племянничек, счастливо добраться. Увидишь наших, кланяйся, пусть скорей возвращаются, ждем их обратно... Прощай, милый.

Сторож пошел в одну сторону, а Егор в другую, в сторону чернеющего вдали эшелона.

— Что? Путь осматриваешь?—раздался над ухом резкий голос вартового.—Смотреть—смотри, только—дальше от эшелона. Близко не подходи. Нельзя тут близко с огнем.

Егор молча отошел от эшелона, и когда вартовый оказался шагов на двадцать позади, он поставил фонарь на землю светлой стороной к вартовому, а сам побежал вперед, ближе к эшелону. Перед ним высилась платформа с ящиками, покрытыми брезентом, едва светлевшим на платформе.

Стой! Кто там? — Я... свой... это... местный... здешний

«Снаряды!»—прорезало сознание Егора острая мысль.

Как кошка, он вскарабкался на платформу и подполз под брезент. Рукой он нащупал ящики, а в них через стружки круглые донья снарядов и овальные головки их.

Сердце его сильно билось. Он вынул из кармана взятую в сторожке бутыль, вскрыл ее и обильно полил керосином ящики и платформу.

Затем, осторожно вытащив спички, он достал несколько стружек, положил комок их вниз между ящиками, чиркнул спичкой и поднес ее к стружкам. Когда те вспыхнули, быстро как-то влез, пополз под брезентом по другую сторону платформы и соскользнул на землю, держа в руках бутылку с остатками керосина на донышке.

Следующая платформа была нагружена прессованным сеном. Егор подбежал к ней и всунул в сено бутылку так, чтобы керосин вытекал из горлышка. Потом он зажег еще одну спичку и поднес огонь к кроваво-красной капле вытекающего керосина. Сено вспыхнуло, и синеватый огонек быстро побежал вверх по стеблям сухой травы.

Егор побежал по шпалам вперед. Тишину ночи прорезал одинокий выстрел. И вдруг весь путь осветился. Егор обернулся и увидел высокий столб огня. Это горело сено. Направо от него начинались железнодорожные постройки, ярко освещенные пожаром и поэтому отбрасывающие позади себя глубокие черные тени. К этим теням и мчался сейчас Егор. Там он будет вне опасности, там его никто не увидит.

Навстречу ему уже бежали вооруженные люди. Раздался знакомый уже Егору окрик:

— Стой!

Егор остановился и, запыхавшись от бега, быстро заговорил:

— Ой, скорей, скорей туда, дяденьки! Здорово горит, аж страшно! Дяденька вартовый прикуривал. Я говорил ему, что нельзя около сена курить, а он меня прикладом. Очень болит теперь,— ухватился он за плечо.

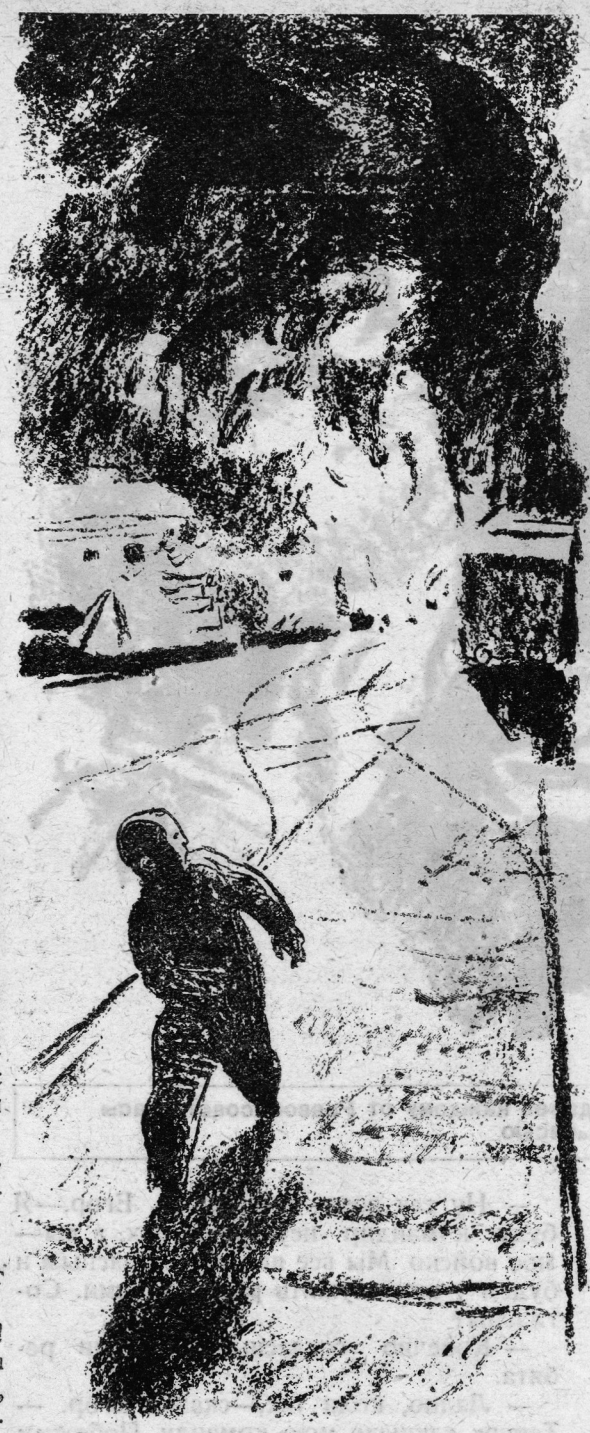
— Беги скорее за тот сарай, зови людей на помощь, чтобы бочки везли, скоро только, время дорого,—сказал один, повидимому старший.

Теперь путь был открыт. Егор быстро перебежал линию и вошел в густые тени зданий.

Вот и шоссе наконец. Дорога была совершенно пуста. Шоссе тянулось ровной широкой лентой перед Егором. Перед ним чернели глубокие канавы.

Он успел пробежать по шоссе шагов пятьсот, как вдруг почувствовал, что земля под ним шатается, какая-то страшная сила оторвала его от земли и бросила куда-то вниз. Страшный грохот потряс воздух, и огромное зарево окрасило черный небосвод.

Сердце Егора сильно билось, но страха он не ощущал. Наоборот, чувство какой-то гордости за большое дело, совершенное им, маленьким Егором, овладевало им все сильнее и сильнее. Снаряды на станции продолжали рваться, и Егору казалось, что где-то недалеко от него происходит настоящее сражение. Взрывами снарядов очевидно разбросало горящее сено, и теперь вся станция была об'ята пламенем.



Егор оберкулся и увидел высокий столб огня. Это горело сено

«Дарница горит, как свечка. Вот теперь отец спасибо сказал бы,—подумал Егор.—Где-то он сейчас? Надо пользоваться ночным временем, а то и не дойти»—решил он и выбрался на дорогу из канавы, куда был сброшен силою взрыва.

Теперь он быстро зашагал вперед, не оглядываясь.

Прошло около часу. Шоссе изогнулось крутой дугой и направо показалось поле, за которым виднелись Бровары, а налево—болотце, поросшее мелким лесом. Егор прошел уже поворот, как услыхал позади себя топот. Не отдавая себе полного отчета в своих действиях, он легко спрыгнул в канаву и притаился. Скоро мимо него проскакали двое верховых.

Не желая терять дорогое время, Егор дальше шел по канаве. Через несколько минут он услыхал снова топот, но теперь звуки неслись с другой стороны. Егор притаился и через некоторое время снова увидал силуэты двух всадников. Они ехали теперь шагом, и их голоса донеслись до слуха Егора.

— За тем лесом—красные,—говорил один.

— А может и ближе,—отвечал другой.—Ведь когда мы передали пакет начальнику заставы, он говорил нам, что секреты красных в версте от него.

— Ничего, сегодня днем на них ударим с Броваров и они откатят еще дальше,—отвечал первый.

Голоса стали удаляться. Надо было снова итти. Времени оставалось мало.

«Утром будут наступать. Надо успеть предупредить», подумал Егор и, выбравшись на шоссе, побежал вперед. «До заставы немного осталось, промелькнуло у него в голове, только бы пройти незамеченным, да скорее попасть к красным».

Он подходил к шоссейной казарме. Осторожность заставила его сойти с дороги и подойти к казарме со стороны пристройки. Кругом была тишина. В казарме светился огонек, но через занавешенное окно ничего не было видно. Егор подошел к сараю. Ворота были закрыты на засов, но замка на нем не было.

Не успел Егор сделать и несколько шагов, как чутким ухом услыхал какое-то царапание изнутри сарая. Он подошел ближе.

— Кто тут?—спросил он шопотом.

— Мы!—также шопотом ответили ему из сарая.

— Кто вы?

— А ты сегодня днем за сеном в Дарницу ездил?

— Ездил.

— А мы те, что тоже за сеном ездили в Дарницу.

— Как же вы здесь очутились?

— А мы, как вернулись в Киев, снова прибежали в Дарницу, как условились с тобою, но тебя не застали и пошли пешком. Дошли до этого сарая, а нас здесь петлюровцы и поймали. Тут застава ихняя.

— Сейчас я вас выпущу. Бегите к лесу, что против казармы, через шоссе. Там у леса и встретимся.

— Тут нельзя. Там—ихние секреты и караулы, надо правее брать, к тем кустам, что правее леса. Там никого еще нет.

— Ну, к кустам, так к кустам,—прошептал Егор и отодвинул потихоньку засов.

Половинка ворот сарая, слегка скрипнув, отодвинулась, образовав небольшую щель, и трое ребят, выскользнув из нее, промчались мимо Егора по направлению к кустам. Егор прикрыл ворота и задвинул снова засов. Обогнув казарму с другой стороны, он изо всех сил пустился бежать к далеким кустам, где должен был встретиться с только что выпущенными им из беды ребятами.

Он остановился, чтобы перевести дыхание, и услыхав невдалеке от себя голоса:

— Шо це за стрильба на Дарнице була?

— Тихо, тихо,—отвечал другой голос,—сиди та мовчи... Як в секрете сидишь, не можно балакаты...

Егор бросился на землю и, весь сливаясь с нею, ползком начал удаляться от секрета. Изредка он поднимал голову и, вглядываясь в темноту, продолжал ползти туда, где густой стеной возвышался черный лес, за которым были уже крас-

Ребятам своим он тоже привез в подарок каждому от Реввоенсовета часы с надписью

ные. А может быть и ближе они? Сердце Егора билось так сильно, что он боялся, как бы петлюровцы не услыхали и не нашли его.

Через несколько времени Егор увидел низкую поросль, а левее ее чернели высокие стволы деревьев

«Близко!—подумал Егор.—Надо дать ребятам знать о себе».

Он сжал губы в трубку и слегка пропустил воздух

Раздался легкий свист.

В ответ свистнули спереди справа и спереди слева.

Тогда Егор приподнялся и побежал к среднему большому кусту.

Через минуту он сидел на земле под ветвями орешника, а около него были трое его товарищей, теперь благополучно прибежавших сюда. Никто из них не наткнулся на петлюровцев.

— А ты—гвоздь, парень,—сказал один из них,—как бы не ты, взлупили бы нас петлюровцы сегодня утром, своих бы не узнали.

— Станут они лупить, — заметил другой. — Они расстреляли бы нас или повесили бы. Думаешь, как мы маленькие, они стесняться бы с нами стали?

— Что же дальше делать?—спросил третий.

Егор знал теперь, что надо делать, и поэтому сказал:

— Вот что, ребята. Кто хочет к красным попасть, слушай меня. Кто не хочет, ползи назад. Ну, кто со мной, подыми руки.

В черном воздухе забелели три руки.

— Ну так вот,—продолжал Егор.—Я буду командир неустрашимых, а вы—мое войско Мы все явимся к красным и будем у них служить разведчиками. Согласны?

— Конечно согласны,—ответили ребята.

— Ладно, коли так,—сказал Егор. — Теперь слушать мою команду. Побежим все вместе. Если я один раз свистну, всем держаться вместе. Если свистну два раза, беги кто куда, и в таком случае каждый сам себе командир. Поняли?

— Поняли. Как ты два раза свистнешь, каждый из нас сам по себе и может свистеть сколько хочет.

— Верно. Свисти тогда себе на здоровье, сколько влезет. А теперь молчок и за мной. Айда, ребятки!

Егор вскочил на ноги и побежал к лесу За ним в темноте ночи шелестели в траве ноги его товарищей.

IV. СНОВА СО СВОИМИ

Лес был совсем уже близко, и Егору казалось, что он бежит по кустам очень долго, хотя усталости он не чувствовал. Вдруг громкое и решительное «Стой!» остановило его.

— Кто идет?

— Свой.

— Откуда?

— Из Киева.

— Руки вверх! Шагай сюда!

Егор поднял вверх руки и свистнул один раз.

Раздалось клацанье затвора.

— Шагай сюда, говорят тебе, а не то пулю пущу. Чего свистишь, разбойник?

— Да я не один, ляденька, а с ребятами своими. Свищу им, чтобы не разбежались.

— А много вас?

— Еще трое. Мы все красные.

— Ночью все черные. Стой тут и не шевелись, — к Егору быстро подошел человек. На его фуражке чернел пятиконечный значок. Егор понял, что он попал к красным.

— Дяденька, сказал он, — тут мои неустрашимые должны быть... Ребята, — пояснил он.

Красноармеец улыбнулся.

— Ну, зови их, своих неустрашимых, — сказал он.

— Ребята, сюда идите,—громко сказал Егор.

— Тише ты,—зашипел на Егора красноармеец. — Обрадовался, раскрыл глотку. Не видишь, что секрет здесь?

Трое ребят, поднявшись из травы, робко подходили теперь к разговаривающим.

— Ну, скорее вы... неустрашимые, — проговорил красноармеец, — идем на заставу, там выяснят, кто вы такие.

Ребята прошли вперед, а за ними Егор и красноармеец. Группа втянулась в лес и пошла по тропинке между деревьями. Не прошло и десяти минут, как показался огонек. Подойдя к нему, они очутились около домика лесника.

— Стой!—красноармеец свистнул в свисток и из избушки вышел человек.

— Кто здесь? — спросил он.

— Из секрета, товарищ командир. Привел вот... неустрашимых...—и красноармеец фыркнул.

— Что за ерунду несешь, товарищ, каких неустрашимых?

— А гляньте каких, товарищ командир. Так они называют себя, а по мне—ребятки как ребятки.

Ребята стояли, прижавшись друг к другу, как воробьи после дождя.

Егор стоял отдельно и держал себя свободно Дверь дома отворилась, и свет света падал теперь на то место, где стоял Егор. В дверях появился еще один человек.

— Что за шум? — сказал он, спускаясь со ступенек.

— Кто здесь командир? — спросил Егор.—У меня есть, что сказать ему.

— Командир — я, — ответил человек. Он спустился со ступенек и подошел к Егору, вглядываясь в него.

— Егорка! — вдруг закричал он,— Шелудивый ты мой! Да как ты сюда попал?

— Ничего не шелудивый, тятя! Здравствуй... Перебежал я к тебе и все тут...— закончил Егор, бросаясь к отцу на шею.

Иван Санев (это был он) на руках внес сына в домик, за ним вошли и остальные. Дверь домика закрылась за ними.

— Ну, рассказывай, сынок, что там делается в Киеве,—говорил начальник заставы, усаживая Егора за стол рядом с собой.

— Погоди, тять, чутку. Вели ребят моих, мою команду, чаем что ли напоить да накормить их надо бы... Это мои разведчики, тятя, будут!—торжествующе закончил Егор.

— Ладно, ладно... увидим там, какие они твои разведчики. Говори, что хотел.

— А вот, слышь. Когда я лежал в канаве, то слыхал, как двое конников разговаривали, и один сказал другому, что днем наступление будут делать на красных... От Броваров, говорит, ударим...

— Ишь, дьяволы гладкие! Так, от Броваров? В лес, значит, нас согнать хотят? Вот спасибо, сынок, во-время сказал... Эй, Михеич!—обратился Иван Санев к пожилому красноармейцу,—кати, брат, к баталионному командиру да расскажи ему про затеи петлюровские, пусть подготовит им гостинцев со стороны Броваров.

Тот, кого Санев назвал Михеичем, быстро оделся, туго подпоясался ремнем, надел фуражку, взял винтовку в руки и быстро вышел.

— А скажи, сынок, что за бой такой был со стороны Дарницы? Мы тут удивлялись даже, кто это кого так лупцует?

— А это, тятя, я.

— Как ты?!

— Я, говорю, поезд поджег с сеном и со снарядами... Вот здорово горело, как днем светло было...

И Егор рассказал все как было, по порядку. Как он в землянке своей целый день пролежал, как ночью к сторожу попал, как эшелон поджег и как сюда пришел со своими неустрашимыми.

Иван Санев сидел, глубоко задумавшись. Наконец он промолвил:

— Хоть ты и сын мне, Егорка, а скажу прямо, герой ты, и твои неустрашимые—геройские ребята. Товарищи,—обратился он к красноармейцам,—нашему разведчику и геройскому моему сыну, Егору Саневу, и его храброй команде наше красноармейское ура!

— Ура-а!.. Урра-а! Ура-а!—загремело в домике. Даже откуда-то с печи раздалось ура. Это проснулся один из красноармейцев и, слыша, что все кричат, и сам закричал. Санев-старший обнял Егора, и скупая слеза скатилась по небритым его щекам на шинель.

Прошло две недели. Полк, в котором находились отец и сын Саневы, с боями отошел к Чернигову. Егор был в разведывательной команде. Его трудно было узнать, да и никто не признал бы теперь в крепком небольшого роста красноармейце босоногого киевского мальчишку.

Несколько дней тому назад Егор вернулся из Чернигова, куда его специально вызвал член Реввоенсовета армии т. Ворошилов.

Вернулся он оттуда с орденом Красного знамени на груди и с часами на руках. Ребятам своим он тоже привез от Реввоенсовета подарки, каждому часы с надписью.

С этого времени никто, даже отец, не называл его иначе, как Егор Иваныч.

— Был Егорка, да без вести пропал. Появился, вишь, герой Егор Иваныч Санев,—говорил Иван Санев, любовно оглядывая ловкого и складного Егора.

— Брось, батя! Был я у тебя Егором—Егором и останусь...—говаривал в такие минуты Егор.—А что до ордена, так если мне такой дали, так для тебя, батя, значит и не существует подходящего ордена. Вот ты у меня какой, батя!

Крепко любили друг друга отец и сын. Никогда друг с другом не расставались. Рядом спали, ели и бились с врагом.

ПОЧЕМУ МОРЕ БАРЕНЦОВО

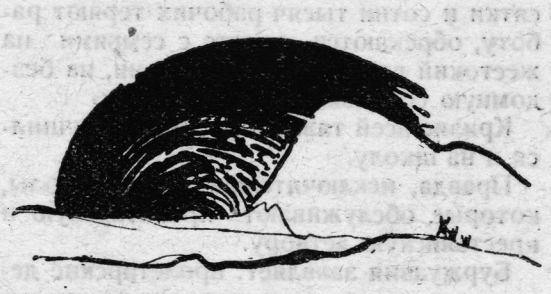
Очерк
П. К-ОВСКОЙ
Рис.
Бродаты

14 июня 1597 г. шлюпки подняли паруса.

Начались новые бедствия на шлюпках во льдах.

Все приготовились к смерти. Провизия кончалась. Льды угрожали ежеминутно. Баренц уже не вставал.

20 июня на шлюпке умирал матрос. Баренц лежал на другой шлюпке. Гамс-

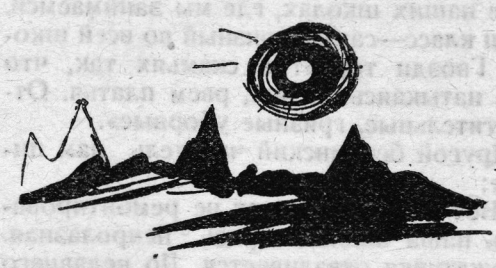


перк и штурман пошли навестить его. Он лежал и рассматривал карту, им составленную Он шутил и болтал с ними о разных разностях. Услыхав, что матрос при смерти, он спокойно сказал:

— И моя от меня недалеко,—и снова стал рассматривать карту.

Вдруг глаза его закатились.

— Я ослабеваю,—это были его последние слова.



Осиротевшие голландцы еще два месяца терпели бедствия в море.

От голодной смерти их спасли русские поморы, выехавшие на промысел за моржом.

Наконец в августе достигли они города Колы (в 12 верстах от нынешнего Мурманска), где их встретил капитан Рип, второй уже раз приплывший в Московию.

Почему же море Баренцово?

Плаванье Баренца и его отважных товарищей, их бедствия и страдания во время полярной зимовки возбудили энтузиазм во всех странах.

Карта западных берегов Новой Земли, составленная Баренцом, до сих пор считается одной из лучших карт. А море, которое с таким упорством исследовал Баренц, искавший в своих плаваниях не обогащения, а знания, получило его имя.

Полярная Помпея

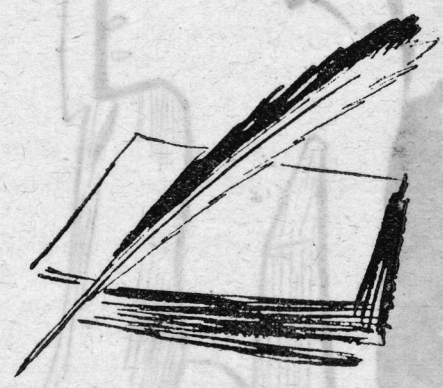
Прошло 300 лет. В 1871 г. норвежский промышленник Карлсен поплыл к Новой Земле за моржами.

9 сентября его судно зашло на северо-восточном берегу Новой Земли в так называемую Ледяную Гавань. Здесь под слоем снега и льда он нашел развалины жилища. Стали раскапывать.

Нашли книги, картины, карты, циркуль, чернильницу, гусиные перья, оружие, утварь, свечи. А в трубе в дымовом отверстии—подвешенный пороховой рог, а в нем в виде плотного комка рукопись, которую Баренц оставил, покидая зимовье.

Зимовье Баренца перевезли в Голландию.

Оно и до сих пор хранится в музее в Гааге.



Конец

РЕБЯТА!

Читайте:

в 24-м номере нашего журнала будет помещено новое большое стихотворение С. Маршака „Мистер-Блистер“

КРИЗИС ЗАКРЫВАЕТ ШКОЛЫ

Очерк
ЭЛЬВИНА
Рисунки
В. Коновалова

На дверях школ появляются об'явления

Вы берете в руки газету за любое число. Вас интересуют дела за границей. Вы читаете телеграммы, статьи, корреспонденции. Какое слово чаще всего мелькает у вас в глазах? Конечно кризис.

Пять шестых мира, где владычествует капитал, охвачены кризисом. Это значит, что изо дня в день сокращается выработка чугуна, стали, падает добыча угля, замирает строительство новых заводов и домен, затихает движение в портах, свертывается грузооборот на железных дорогах, все новые тысячи, десятки и сотни тысяч рабочих теряют работу, обрекаются вместе с семьями на жестокий голод, холод, болезни, на бездомную собачью жизнь.

Кризис всей тяжестью своей обрушился и на школу.

Правда, исключительно на те школы, которые обслуживают пролетарскую и крестьянскую детвору.

Буржуазия заявляет: пролетарские дети могут расти малограмотными, могут погодить с грамотой; для того, чтобы быть рабом и верным солдатом, не так уж важно быть обязательно образованным и культурным человеком.

Журнал немецких пионеров «Барабан» (Ди Троммель) говорит о том, как буржуазия наводит экономию, урезывает школьные бюджеты и что из этого получается.

«Барабан» пишет:

«Оглянитесь, посмотрите, что творится в наших школах, где мы занимаемся. Наш класс—самый грязный во всей школе. Гвозди торчат в скамьях так, что мы, натыкаясь на них, рвем платья. Отвратительные, грязные уборные».

Другой берлинский читатель нам пишет:

«Вот уже 35 лет, как не ремонтировалась наша школа. Грязь непролазная. Штукатурка отваливается. До недавнего времени во многих школах школьникам давали завтрак, теперь прекратили. Выдавали учебники—прекратили: у городской управы нехватает денег на это. Были повсюду эмалированные кружки для питья воды, заменили их железными; так выглядит буржуазная экономия».

Так пишет берлинский «Барабан».

Недавно группа польских учителей выпустила книжку. Книжка называется «Перед лицом школьной катастрофы».

Из этой книжки, написанной встревоженными буржуазными учителями, мы узнаем замечательные вещи.

Во-первых, закрыты сотни школ.

Во-вторых, огромным массам детей не в чем ходить в школу, нет обуви, платья.

В-третьих, очень многие ребята вынуждены батрачить, работать, где попадется, чтобы как-нибудь прожить. Им некогда учиться.

В марте 1931 г. министерство просвещения выпустило циркуляр, который предписывает:

1) Довести число учеников до 60 и более в каждом классе (не беда, не задохнутся).

2) Сократить количество школьных предметов (кроме закона божьего, эти уроки разумеется неприкосновенны).

3) Повысить низший уровень школьного возраста на 1 г.

4) Исключить из школы детей старше 14 лет (поучились и будет!).

То же самое наблюдается в «богатейшей стране мира»—Америке—и в любой стране капитализма. Буржуазии не нужна культура, буржуазия душит культуру. Буржуазия обрекает на голод сотни тысяч инженеров, техников, ученых, для которых нет работы в капиталистическом обществе.

Сокращая бюджеты, сокращают—а то и просто вычеркивают—всякие суммы на питание детей в школе. А что это значит, видно из целого ряда заявлений учителей, директоров школ и людей, знакомых с положением школы.

В декабре 1931 г. берлинская буржуазная газета «Берлинер тагеблатт» провела анкету среди врачей и учителей о положении детей.

Вот некоторые из ответов

Ректор 3-й народной школы в Берлине Генш пишет:

«Мы дошли уже к сожалению до того, что не редкость встретить среди наших учеников таких, отцы которых лишены работы уже в течение двух или трех лет.

Столь же безнадежно положение матерей, из которых многие уже беспрерывно в течение ряда лет существуют за счет ничтожных пфеннигов пособия. Не дальше, как сегодня, меня позвали к одной матери, которая упала в обморок от истощения. Свой паек она почти целиком отдавала своим детям».

Врачи говорят о невероятном росте эпидемических заболеваний. В этом нет ничего удивительного, если иметь в виду то, о чем сообщает окружной врач г. Дуисбурга.

Им негде учиться, им 14 лет

«Во время внезапного врачебного осмотра школьников в Дуисбурге мы нашли детей безработных в рваных платьях и белье, порванных ботинках, на большинстве детей масса вшей».

В польской «Газете варшавской» сообщалось недавно:

«Школьники все чаще падают в обморок от истощения и голода. Как сообщает школьное ведомство, 40.000 варшавских школьников хронически недоедают. Это на 15 тыс. больше, нежели в 1929 г.».

Перенесемся на минуту в Америку, в город величайших автозаводов Форда, на которых почти совершенно прекратилась работа.

В школах Детройта ежедневно выдается за счет благотворительных организаций бесплатный завтрак 20 тыс. детей стоимостью в 5 центов каждый. Местные власти заявляют, что для значительного большинства этих детей этот завтрак является единственным питанием в течение целого дня. Учителя того же Детройта, которых нельзя заподозрить в революционном образе мыслей, заявляют, что тысячи детей приходят в школу абсолютно истощенными. Тем не менее и та ничтожная помощь, которая оказывается детям, повидимому прекращается, поскольку ресурсы благотворительного общества исчерпаны. Подавляющая масса этих детей — дети фордовских рабочих, ныне безработных.

Отмечены сотни случаев, когда дети приходят в школу босиком и без верхнего платья, несмотря на осенний дождь и холод. В школе на вопросы они отвечают невпопад, так как в состоянии говорить и думать только о пище. Из расспросов выясняется, что многие дети голодают по целым суткам.

...он не знает дороги в школу... его провожает няня...

Капиталисты всячески стремятся воспитывать школьников в капиталистическом духе, сделать их покорными, послушными рабами капитала. Эту-то покорность вколачивают педагоги и попы в головы школьников. Их учат восхищаться существующим там строем, скрывают от них преступления капитала, насколько могут, изображают царей и капиталистов великодушными, благородными людьми, внушают покорность богу и хозяину, так как бог велит повиноваться хозяину.

И все внимательнее прислушиваются пролетарские дети к словам тех, кто рассказывает о стране, где школьник такой же свободный гражданин, как и его отец — пролетарий или крестьянин, где дети окружены величайшей заботливостью государства, где возводятся новые школы, где государство уделяет огромные средства школе и школьникам,—о Стране советов.

Об этом рассказывают юнкоры в своих письмах.

Пионер Франк рассказывает:

«В пятницу 22 января у нас был урок религии. Я этих уроков не посещаю, но остался в классе на задней парте готовить уроки. Но вот законоучитель начал рассказывать про СССР всякие враки и ужасы. Я стал прислушиваться. Когда же законоучитель заметил меня, то быстро скомкал свою речь. Он знал, что мы, пионеры, не позволим поносить СССР и стойко стоим на-страже его».

Попы особенно изощряются по этой части, всячески клевеща на «безбожную Россию», стараясь внушить ребятам ужас перед этой страной. Известный клеветник поп Мукерман сочиняет басни про наши детдома, где, мол, детей избивают до полусмерти, где полуголых детей оставляют на 20-градусном морозе, где провинившимся детям смазывают язык иодом, и прочие ужасы. Другой поп, американец Эентер, выступил с наглейшей ложью, будто в каком-то городе СССР «большевики собрали 1.200 больных детей в одном помещении, заманив их обещанием накормить обедом, которого те, видите ли, уже давно не ели, и там всех до одного перестреляли из пулеметов, чтобы избавить страну от больных детей и не возиться с ними».

Но усилия врага все чаще наталкиваются на боевой отпор со стороны ребят, ведущих уже во многих школах Запада и Америки организованную борьбу под руководством пионеров.

Они организуют школьные форпосты, которые об'единяют всех сознательных ребят данной школы.

Они организуют массовые собрания и демонстрации.

Они об'являют школьные забастовки, выдвигают требования к школьному ведомству.

Они требуют: возвращения уволенных учителей и разгрузки классов, выдачи бесплатных завтраков нуждающимся школьникам, выдачи учебных пособий, ремонта ветхих школ, улучшения их санитарного состояния, свободы пионерской организации, прекращения издевательств и преследований классово сознательных детей-пионеров.

Такие забастовки, когда они проходят организованно, нередко заканчиваются победой ребят: они добиваются своего частично или полностью.

И в этих боях выковываются отряды юных борцов против гнилого гибнущего капитализма, обрекающего миллионные массы своих рабов на голод, вырождение, невежество,—борцов за дело мирового Октября.

А. АСКЕРОВ Рисунок Ю. К.

БЕСЕДЫ ПО ИСТОРИИ ВЛКСМ

Комсомол в эпоху реконструкции

Беседа десятая

Кончилась гражданская война. Шел 1921 г. Партия на своем X с'езде решает вопрос о переходе к новой экономической политике, к нэпу.

В чем заключались причины этого перехода?

В условиях гражданской войны прочен был военно-политический союз рабочих и крестьян против общего врага.

Весь хлеб шел армии, не было свободы торговли. Уменьшалось количество работающих заводов. Разруха промышленности, упадок сельского хозяйства— таковы результаты войны. Все шло для армии, для вооруженной борьбы против белых армий и интервентов.

Когда закончилась война, перед страной, пролетариатом, партией встал вопрос о **хозяйственном строительстве.** Для восстановления промышленности надо было в первую очередь добиться под'ема сельского хозяйства. Без сырья, хлеба, без хозяйственной смычки рабочих и крестьян невозможно было восстановить народное хозяйство нашей республики.

Для этого надо было учесть требования крестьян— дать **свободу торговли.**

Вот почему Ленин провозглашает переход к нэпу как способу постепенного перехода к социализму. Нэп — рельсы социалистической стройки. Допущение частника на первых этапах нэпа в силу слабости государственной торговли тогда было неизбежно.

Труден был этот переход. Вновь попыталась поднять голову оппозиция. Но партия, проведя чистку своих рядов и разгромив оппозицию, победоносно развертывает социалистическое строительство.

ОТ ВОЙНЫ К МИРУ, НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ НЭПА

В таких условиях комсомол вступал в третий этап своего развития (1921 — 1922 гг.), совпадающий с первым периодом новой экономической политики.

Переход к новой экономической политике вначале отрицательно повлиял на работу комсомола. В особенности на первом этапе, когда основным вопросом являлся отход от методов «военного коммунизма». Резко выпячивались **отрицательные** черты нэпа, и известные слои комсомола попадали под влияние мелкобуржуазной стихии.

Отрицательное влияние первого этапа нэпа заключалось и в том, что перевод промышленных предприятий на хозяйственный расчет остро поставил вопрос о сокращении числа рабочей молодежи на производстве.

Крутой поворот, произведенный введением новой экономической политики, выразился в введении свободного товарооборота в стране, в известной легализации частного торговца и частного накопления. Все это в известной мере сбивало часть молодежи с революционной перспективы.

Отдельные слои молодежи эту перспективу теряли и не сразу поняли необходимость такого поворота. Они не сразу осознали, что новая экономическая политика—не уступка завоеваний пролетариата, а продолжение борьбы за социалистическое хозяйство, не только отступление, но и перестройка рядов для дальнейшего победоносного наступления.

Тяжелое положение комсомольского движения может быть охарактеризовано тем, что союз значительно сократился (с 400 до 260 тыс.), уменьшилась сеть организаций (в особенности в деревне) комсомола, чрезвычайно остро стал вопрос о борьбе за молодежь.

Требовалось проявить особую энергию рабочим кадрам комсомола в деле раз'яснения массам молодежи сути новой экономической политики, вселить бодрость и уверенность в ряды рабочей и крестьянской молодежи, показав, что новая экономическая политика скажется в ближайшее время и своими положительными сторонами. Без прямой помощи и руководства партии эту работу не удалось бы проделать.

VI с'езд (1921 г.) РКСМ открыл полосу борьбы за основные кадры комсомола— за рабочую молодежь, заострив вопрос о развертывании участия комсомола в проведении новой экономической политики. Этот с'езд наметил ряд мероприятий по улучшению положения рабочей молодежи (броня подростков, сокращение сокращенного рабочего дня, уровень зарплаты). Он решил принять меры к быстрому развертыванию строительства школ ФЗУ как наиболее удачной формы производственной и политической подготовки молодежи.

Партия с огромным вниманием обсуждает вопрос о молодежи и оказывает ей большую помощь.

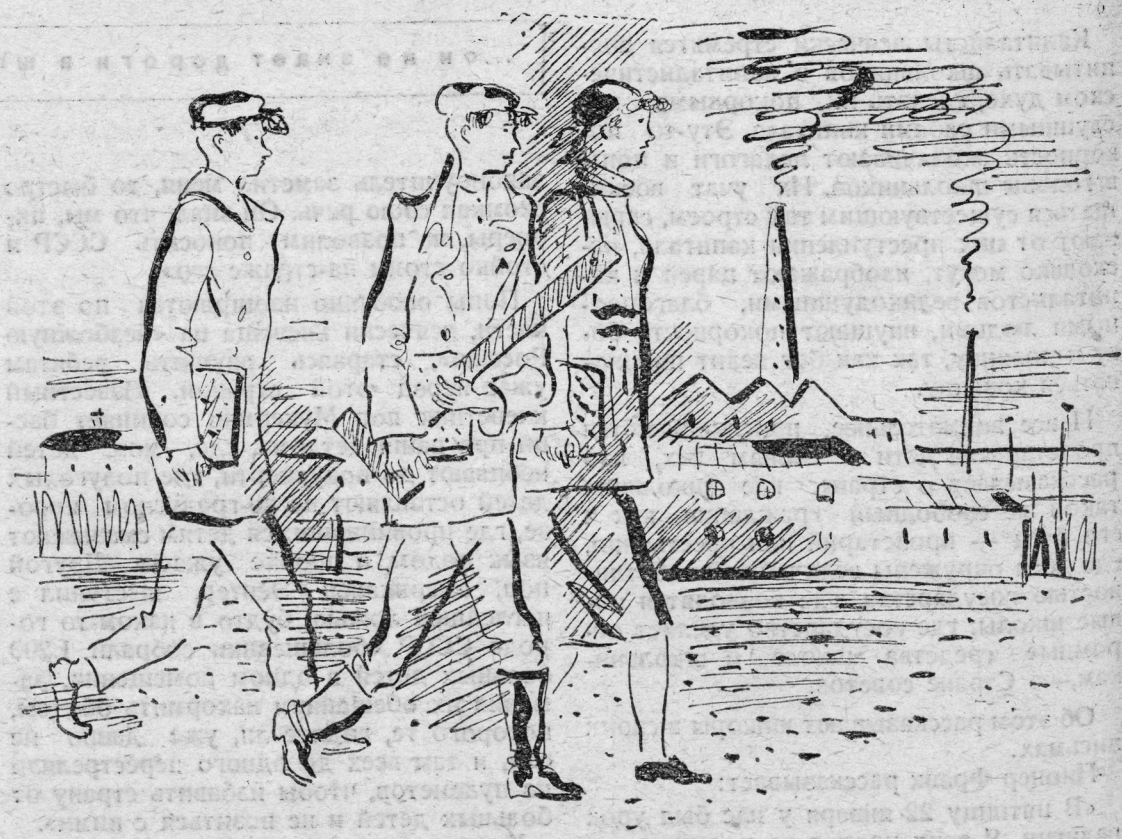
Решение XI с'езда РКП со всей серьезностью оценивает положение в комсомоле. Это решение подчеркивает значение сохранения рабочей молодежи на производстве и необходимость борьбы с влиянием мелкобуржуазной стихии на молодежь.

С'езд признал важность работы РКСМ в деревне как одного из главнейших опорных пунктов партии и советской власти и выдвинул задачу установления постоянного и систематического идейного руководства союзом со стороны партийных организаций. Решения парт-с'езда поддержали мероприятия комсомола по борьбе за молодежь.

Уже в решениях I комсомольской конференции по вопросу о конфликте в КИМ в связи с местопребыванием II конгресса, а также по основным вопросам движения (массовость союза, взаимоотношения с партиями и Коминтерном, методы работы, организационные принципы) все усиливается роль РКСМ как ведущей секции КИМ.

На II конгрессе КИМ русская делегация ведет борьбу против «авангардистских» теорий. Эти теории подрывают партийное руководство союза. Линия ЦК РКСМ побеждает на конгрессе. Она заключалась в политике превращения братских комсомолов в массовые организации коммунистического воспитания рабочей молодежи на основе непосредственного участия и включения в общепролетарское движение. РКСМ борется против рассматривания комсомола как политически самостоятельного авангарда всего пролетариата.

IV с'езд РКСМ особенно подчеркнул усиление активной роли РКСМ в работе Коминтерна молодежи, сближение русского и западноевропейского движения и рост значения РКСМ в международном коммунистическом движении молодежи.

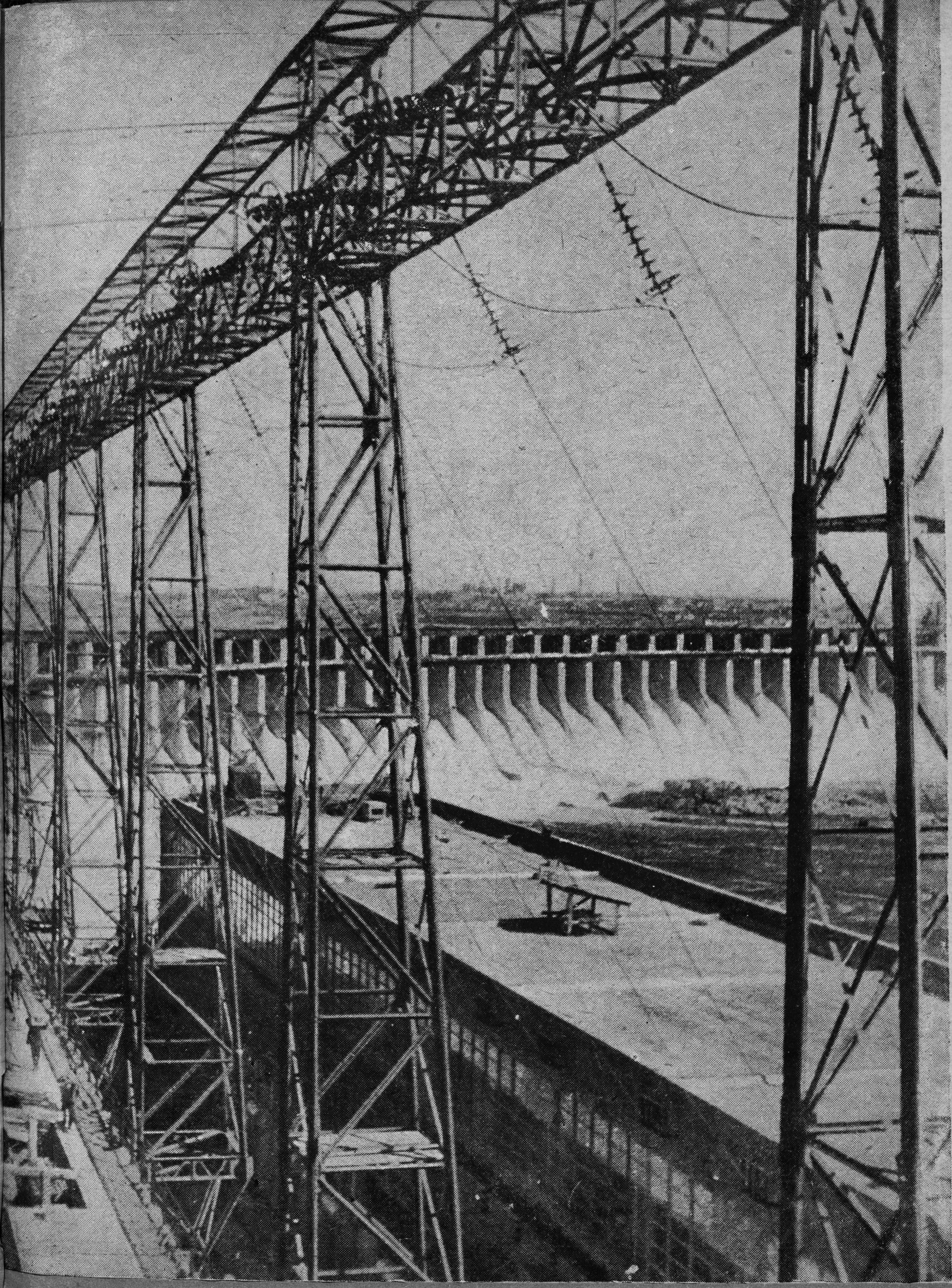


Комсомольцы по янулись к учебе

Издатель: Издательство ЦК ВКП(б) „Правда", сектор „Комсомольская правда" Оформление В. Коновалова. Отв. ред. Ел. КУЙБЫШЕВА

Сдан в набор 23|X, подписан к печати 15|XI Изд. № 1108 135.000 п. з в бум. л.

Уполномоченный Главлита В—35132. Типография газеты „Правда" Москва, ул. им. Горького, д. 48. Заказ № 2468. Тираж 45.000 экз.



АР 1192

После занятий

Фото Б. Иваницкого